

**КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО
И РУССКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА**

*Исаева О.С.,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры «Философия и социальные комму-
никации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия*

***Аннотация.** Статья посвящена крупному философскому направлению – классическому евразийству. Автор анализирует феномен революции в философии евразийцев. Рассматриваются взгляды евразийских мыслителей на революционные события 1917 г., конечный итог которых сводится евразийцами к установлению эпохи веры.*

***Ключевые слова:** классическое евразийство, революция, европеизация, православное христианство.*

**CLASSICAL EURASIANISM
AND THE RUSSIAN OCTOBER REVOLUTION OF 1917**

*Isaeva O.S.,
Candidate of Philosophy,
Senior Lecturer
Of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to a large philosophical direction – classical Eurasianism. The author analyzes the phenomenon of revolution in the philosophy of Eurasians. Discusses the views of the Eurasian thinkers on the revolutionary events of 1917, the final outcome of these events should lead to the establishment of the era of faith.

Key words: classical Eurasianism, revolution, Europeanization, Orthodox Christianity.

Февральская революция 1917 года в России – событие неоднозначное и противоречивое. Как правило, по своему существу любая социальная революция являет собой переворот в жизни каждого человека, порой резкое и не всегда понятное ему изменение хода его жизни, мыслей, ценностей либо мировоззрения в целом. Поэтому революция всегда несёт в себе слёзы, боль, страхи, борьбу, смерть и кровь. Ведь смена общественного устройства, формы государственного правления зачастую предполагает насильственную ломку привычных устоев, традиций, взаимоотношений в обществе. Что касается положительных моментов революционных событий, то они заключаются в осуществлении целей и ожиданий тех, кто в конечном итоге одерживает победу и приходит к власти. А это, зачастую, не всегда та часть общества, которая стояла у основ их организации, испытывая благие намерения реорганизовать социум. Исход революции – это результат борьбы –

идеологий, взглядов, людей, а итоги революции часто стихийны, непредсказуемы и не оправдывают ожиданий тех, кто всей душой верил ее лозунгам. В обществе всегда есть те, кто в результате революционных перемен теряет, а не приобретает. Русская революция 1917 года была такой. Одни лишились всего, другие возвысились и упивались властью.

Одним из самых грустных, необратимых, на наш взгляд, последствий событий 1917 г. стала массовая эмиграция русской интеллигенции. Талантливые, неординарные, иногда ещё очень молодые учёные вынуждены были покинуть свою Россию. Они оказались в изгнании, на чужбине, где очень многим приходилось скитаться, не находя понимания. Тем не менее, большинство уехавших из России мыслителей продолжало активно писать и публиковаться. Философия русского зарубежья является органичной и, вместе с тем своеобразной частью как русской, так и мировой философской мысли.

Одним из философских направлений, сформировавшихся в русском зарубежье, явилось классическое евразийство, чьи идеи и взгляды актуальны и по сей день. Евразийство явилось пореволюционным движением и философским направлением, увидевшим в революционных событиях нечто конструктивное, положительное. «Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт... Ещё менее русская революция является организованным группой злоумышленников ... переворотом», - писали евразийцы [2, с. 52]. Евразийцы восприняли революцию как некое созидание, а не только лишь разрушение, как освобождение России от оков европеизации, навязанной ей Петром I. Революция есть «глубокий и существенный процесс, который даёт последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, искажившим дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии» [2, с. 52]. Европеизация России привела, согласно евразийцам, к трагическому разрыву между культурой народа и культурой правящего слоя. Классические евразийцы считали революцию реакцией на кризис европеизированной русской культуры, и именно поэтому они видели в ней не конец и крах российской истории, а начало, исходную точку для создания самобытного, собственного культурного мира России, отличающегося и от европейского, и от азиатского. В России-Евразии (так называли классические евразийцы будущую Россию – государство, воздвигнутое территориально на месте СССР) будет создана новая евразийская культура, не являющаяся механическим смешением других культур, а основанная на своеобразии исторических, географических, духовных и экономических характеристик континента Евразия. В своем учении евразийцами был разработан социальный проект будущей России-Евразии [3].

Классические евразийцы утверждали, что само евразийство вообще невозможно понять, не учитывая факта революции как такового. Сами о себе в своём программном документе евразийцы писали: «Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение»; и далее также: «Евразийство есть единственная значительная

пореволюционная система мировоззрения и действия» [1, с. 285; с. 287]. Все остальные «внутренне-русские» течения и направления, возникшие в послереволюционное время, в том числе и коммунизм, евразийцы определяли только как дореволюционные.

В чем же заключается, по мнению классических евразийцев, сущность Октябрьской революции 1917 года? Русскую революцию по внутреннему, заложенному в неё, но не раскрытому ею смыслу, евразийцы определяют как евразийскую. Именно утверждение и раскрытие этого смысла в жизни и будет завершением революционных событий. В основу всего своего учения классические евразийцы положили религиозные постулаты – постулаты православной веры. Именно вера является неким остовом евразийства, вера выступает одной из скоб, прочно связывающих все евразийское учение в единое нерушимое целое. Православное христианство должно, согласно евразийским мыслителям, буквально пронизывать все сферы общественной и народной жизни, охватив все части здания русской культуры. Русская культура послепетровского периода была «внерелигиозна», церковь зависела от государства и была вне культурного развития и культуры вообще. В наступивший затем период правления коммунистов духовная опустошенность безрелигиозной культуры достигла, с точки зрения евразийцев, наивысшей точки своего развития. И потому, утверждают евразийцы, в ответ на это должна последовать «решительная реакция» [9, с. 378]. И опять-таки читаем в декларации евразийцев: «Евразийство утверждает себя прежде всего как система мировоззрения и действия, которые в последнем счёте исходят из религиозных предпосылок и являются религиозно обоснованными» [1, с. 288].

Разработанная классическими евразийцами система является пореволюционной, утверждают сами мыслители, поскольку содержит следующие противоречия: с одной стороны, русская революция представляет собой процесс религиозный, подразумевающий «искание последней правды на земле и стремление во что бы то ни стало её осуществить» [1, с. 288]. С другой, революция по своим теоретическим учениям оказалась безбожной, безрелигиозной, и даже более: она явилась богоборческой и противорелигиозной. Если смотреть с точки зрения политической, то революция выступала как процесс освободительный, в результате которого широкие народные массы должны были сбросить с себя гнёт старого режима и зажечь вольной жизнью. Но на деле получилось, что революция породила политический строй ещё более деспотический, чем тот, что был прежде. По сути своей российская революция была индивидуалистической, что означало попытку как отдельного человека, так и целых народов эмансипироваться от принудительных связей со стороны государства, утвердив таким образом, свою независимость от прежнего общественного устройства, своё «самочинное бытие». Но в реальности, по своим социально-политическим идеалам российская революция оказалась коллективистической и привела к «глубокому поглощению личности обществом, единичного – универсальным» [1, с. 288]. Социальный идеал русской революции как явления пролетарски-интернационалистического заключался в стремлении нивелировать существующие классовые, групповые, социальные

и национальные противоречия и построить «деклассированное и денационализированное» общество людей. Основное социальное качество, которое должно объединять людей этого общества – это общий социальный труд. В действительности же итогом революционных событий 1917 г. в России явилось построение Советского государства, добровольно и открыто проводящего принцип национального самоопределения. Также, отмечают евразийцы, система советов не смогла уничтожить социальные различия, существующие между различными группами населения: бедняками, середняками, кулаками; квалифицированными и неквалифицированными рабочими, советскими служащими и специалистами. И всё же русская революция, хотя она, согласно классическим евразийцам, и служила коммунистическому интернационалу, проводила в жизнь евразийскую внешнюю политику, при этом она защищала интересы «того культурного целого, которое носит имя Россия-Евразия» [1, с. 288].

Все противоречия русского революционного процесса, о которых говорилось выше, могут быть разрешены и сняты, по глубокому убеждению евразийских мыслителей, только благодаря стремлению евразийцев наполнить пафос революции религиозной идеей, освободив её от связи с воинствующим атеизмом. Евразийцы утверждают существование в мире Божественного начала и невозможность существования самого евразийства без веры в религиозный смысл мира.

В целом же, классические евразийцы оценивали русскую революцию 1917 г. как отрицательное явление. Они прекрасно видели и понимали, что революция – это страшное явление, даже не смотря на то, что евразийство, наверное, единственное из направлений, увидевших в революции положительный момент. Один из основоположников классического евразийства П.П. Сувчинский писал, что революция – это русская катастрофа, а сам процесс революции – «кровавый, безумный и нелепый как процесс войны» [8]. Мыслитель также утверждал, что в результате революционных событий 1917 г. произошло «религиозное возбуждение русского сознания», что носило массовый характер [7, с. 206]. «Яд коммунизма и прикосновение к реальному злу, – писал мыслитель, – ответно, в качестве противоядия, подняли страстный порыв религиозного возбуждения и наново поставили пусть перед меньшинством, основные проблемы религии, церкви и веры» [7, с. 207].

Один из видных деятелей евразийства, философ Л.П. Карсавин считал революцию неприятным и гнусным явлением, но неизбежным время от времени. В сущности, Л.П. Карсавин определял революцию как «длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожения его национальной государственной стихией и создания нового правящего слоя» [4, с. 158]. В учении о революции Карсавина представлен совершенно иной подход к пониманию природы и причин революции. Его точку зрения разделяли и другие евразийские мыслители. Большой интерес составляет его религиозно-метафизическое осмысление русской революции [5].

П.Н. Савицкий в работе «Евразийство как исторический замысел» также указывал на связь будущего России после революции с верой и религией, отмечая не последнюю роль в осуществлении этого будущего именно евразийства. Он писал: «Проблема русской революции есть тот основной стержень, около которого движется их (евразийцев – О. И.) мысль и их воля... нынешний этап революции не есть последний её этап. Они (евразийцы – О.И.) готовят следующую её фазу» [6, с. 98]. «И евразийцы решительно отвергают коммунистический тезис о существовании какого-то бы то ни было противоречия между религиозным началом и новым социальным строем. Как раз наоборот: новый строй обретёт полноту и устойчивость в тот момент, когда просветится внутренним религиозным светом» [6, с. 112].

Таким образом, революция 1917 г. для евразийцев – это закономерное явление в русской истории, здоровая реакция на гибель европейской культуры и европеизации России в принципе. Суть революционных преобразований евразийцы, как и всю дальнейшую судьбу и ход исторического развития России, связывают с религией и Православной верой. Сама революция, по их мнению, должна была способствовать установлению эпохи веры, но установившаяся коммунистическая власть проповедовала атеизм. Поэтому последний этап развития революции они связывали с воплощением в жизнь собственных – евразийских проективных разработок, основой которых и выступает Православное христианство.

Источники и литература:

1. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы // Вестник Челябинского университета. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 2 (3). – С. 282-306.
2. Евразийство (опыт систематического изложения) // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 13-78.
3. Исаева О.С. Метафизические основания социального проекта евразийцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Научно-практический журнал. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 47-55.
4. Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 141-201.
5. Кошарный В.П. Л.П. Карсавин: историко-философские предпосылки и метафизические основания трактовки русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 21–33.
6. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 98-112.
7. Сувчинский П.П. К преодолению революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 205-223.
8. Сувчинский П.П. Эпоха веры [Электронный ресурс]. – <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-epochavery.php>
9. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 362-380.

Referenses

1. Evrazijstvo: deklaracija, formulirovka, tezisy // Vestnik Cheljabinskogo universiteta. Ser. 10, Vostokovedenie. Evrazijstvo. Geopolitika. – 2003. – № 2 (3). – S. 282-306.

2. Evrazijstvo (opyt sistematičeskogo izložhenija) // Kontinent Evrazija. – M.: Agraf, 1997. – S. 13-78.
3. Isaeva O.S. Metafizicheskie osnovanija social'nogo proekta evrazijcev // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Nauchno-praktičeskij zhurnal. Gumanitarnye nauki. – 2012.– № 1 (21). – S. 47-55.
4. Karsavin L.P. Fenomenologija revoljucii // Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. – M.: Belovod'e, 1997. – S. 141-201.
5. Kosharnyj V.P. L.P. Karsavin: istoriko-filosofskie predposylki i metafizicheskie osnovanija traktovki russkoj revoljucii // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 1 (9). – S. 21–33.
6. Savickij P.N. Evrazijstvo kak istoričeskij zamysel // Kontinent Evrazija. – M.: Agraf, 1997. – S. 98-112.
7. Suvchinskij P.P. K preodoleniju revoljucii // Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. – M.: Belovod'e, 1997. – S. 205-223.
8. Suvchinskij P.P. Jepoha very [Jelektronnyj resurs]. - <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-epoxavery.php>
9. Trubeckoj N.S. K ukrainskoj probleme // Istorija. Kul'tura. Jazyk. – M.: Progress, 1995. – S. 362-380.

УДК 101.1:316.614 DOI: 10.24045/conf.2017.1.16

Н.А. БЕРДЯЕВ: ОПЫТ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Кириллов Г.М.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия*

***Аннотация.** В статье проанализировано содержание понятия «персоналистическая революция» в диалогическом ключе, обозначены его онтологические основания. Поднят вопрос об истоках мистического революционаризма Н.А. Бердяева. Автор приходит к выводу, что термин «персоналистическая революция» следует считать метафорой, за которой стоит «изменение принципов, на которых покоится общество».*

***Ключевые слова:** персоналистическая революция, экзистенциализм, персонализм, онтология, мистический революционаризм.*

N.A. BERDYAEV: THE EXPERIENCE OF PERSONALISTIC REVOLUTION

*Kirillov G.M.,
Candidate of Philosophy,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation*

Annotation. The article analyzes the content of the concept of «personalistic revolution» in a dialogical way, its ontological ground is indicated. The question of the origins of the mystical revolutionism of N. Berdyaev was raised. The author comes to the conclusion that the term «personalistic revolution» should be considered a metaphor behind which «changing the principles on which society rests» is meant.

Key words: personalistic revolution, existentialism, personalism, ontology, mystical revolutionism.